

УДК 349.41

Соотношение вотчины и поместья на земельные участки в русском праве

Козлов Денис Валерьевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра международного права,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: DVKozlov@sfedu.ru

Аннотация

В статье раскрывается соотношение двух центральных институтов русского права допетровского времени вотчины (аналог собственности) и поместья. Поместье представляло собой имение – земельный участок с угодьями, который русские монархи предоставляли ратным людям в обмен на обязанность каждый год являться по вызову на военную службу. Первоначально владельцами вотчин были в основном бояре, помещикий – нарождавшееся дворянство. Несмотря на ряд совпадений, поместье по своим существенным характеристикам отличается от западноевропейского лена (феода), что не позволяет отождествить данные институты. Долгое время законодатель подчеркивал различия вотчины и поместья, не закрепляя при этом четких критериев разграничения между ними. С течением времени они стали сливаться, что нашло свое отражение в Соборном Уложении. Полное объединение произойдет только при Петре I. Отсутствие конкретных указаний вызывало споры о соотношении между вотчиной и поместьем, как среди дореволюционных, так и современных исследователей. Однако современники разницу хорошо понимали, акцентируя внимание на двух моментах. Во-первых, размер имений. При вотчине он неограничен, площадь поместья строго ограничена и зависит от места службы лица. Во-вторых, вотчина всегда рассматривалась как белое, безоб- рочное имение, а за поместье необходимо было уплачивать подати.

Для цитирования в научных исследованиях

Козлов Д.В. Соотношение вотчины и поместья на земельные участки в русском праве // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 1B. С. 276-285.

Ключевые слова

Вотчина, поместье, Соборное Уложение, земельный участок, земельное право.

Введение

В течение XV-XVII веков происходило постепенное собирание земель вокруг Москвы, формировалось новое государство, появились кодифицированные акты (Судебники) и иные указы, на основе которых складывалась новая система средств доступа к лесным участкам. При этом возникшая система отнюдь не отрицала заслуг предыдущей, напротив, практически все старые институты переключивались в законодательство Московского государства, однако при этом наполнились иным содержанием. Кроме того, появилось большое количество ранее не известных новых норм.

Основная часть

По-прежнему в церковном законодательстве активно используется термин недвижимость (соборы 1580, 1584, 1667 годов), который, однако, так и не становится общеупотребительным в секулярном праве [Неволин, 1851, т. 2, 12].

Центральным институтом по-прежнему оставалась вотчина. Правовой режим ее регулирования в целом оставался неизменным, но появились несколько новых важных моментов.

Во-первых, все вотчины оказались на территории одного государства и в отношении них установились общие правила. Всех вотчинников освобождали от любых податей и повинностей, поэтому их имение называлось безоброчным или белым в отличие от «черных» земель тягловых имуществ. В то же время публичные полномочия вотчинников, характерные для предыдущей эпохи стали прерогативой государства. Таким образом, именно в эпоху единого Московского государства (конец XV – начало XVIII веков) частно-правовая составляющая стала преобладать в правомочиях вотчинников.

Во-вторых, в документах устанавливаются различия в зависимости от происхождения вотчин: родовые («владение в роде», «в веки неподвижное»); по давности («владение по старине», «владении изстари»), пожалованные (в «вечное владение», в «вечное и потомственное владение»), приобретенные (купля, прикуп, примысел, добыток). В зависимости от происхождения различаются правила о родовом выкупе, о свободе наследования, отчуждения и передачи в дар, о конфискации вотчин и передаче их другим лицам. При этом, для родовых вотчин характерен любопытный феномен: последовательное отчуждение целыми поколениями, дедом, отцом, внуком одной и той же отчины одному и тому же приобретающему или его наследникам. Иначе говоря, наследники продавца при вступлении в наследство отказываются от права родового выкупа. Иногда и в одной купчей продавец отчуждает вотчину не только от своего имени, но и от имени сыновей, внуков и правнуков.

В-третьих, владение вотчиной становится постепенно привилегией высших слоев общества. Рядовые свободные жители, включая купцов, лишаются прав на приобретение вотчин, но сохраняют за собой уже имеющиеся земельные участки с возможностью их передачи

по наследству. Богатые купцы (гости) до последнего сохраняли свое право на вотчины: еще в Соборном Уложении (ст.43 гл. 17) подобная возможность у них была, но указами от 15.06.1666 и 19.06.1679 гостям было запрещено покупать и брать в заклад вотчины без особого на то разрешения Государя [Неволин, 1851, т.2, 138].

Наиболее обширные массивы подобных вотчин сохраняются в новгородских землях, где их владельцы носят название своеземцев (мелких собственников, которые сами обрабатывают землю). Единственным исключением является пожалование царем Михаилом Федоровичем (первым из Романовых) в вотчину пустоши Коробово Антониде Собиной (дочери Ивана Сусанина) по грамотам от 30.11.1619 и 10.01.1633 [Неволин, 1851, т.3, 134-135].

В-четвертых, со времени правления Ивана Грозного на вотчинников распространилась обязанность служить государю без всяких исключений. За проявленное «ослушание» земельный участок отбирался, что сближало вотчину с поместьем. Можно считать, что конфискация вотчин – это акт публичной власти государства, но на практике фактически невозможно отличить конфискацию вотчин от изъятия поместий (выражение воли собственника земельного участка – государства), тем более что это было обусловлено одинаковыми основаниями. Некоторые дореволюционные юристы и не проводили разграничения, объединяя вотчину и поместье в один институт. [Сергеевич, 1903, 20] Ситуацию усугубляла непоследовательная позиция законодателя, который то подчеркивал различия между вотчиной и поместьем, то наоборот – вводил общие правила. После принятия Соборного Уложения, разрешившего мену вотчин на поместья и наоборот, восторжествовала вторая точка зрения.

В-пятых, характерной чертой права московского периода является постоянный рост ограничений на передачу вотчин монастырям. Рост церковного землевладения серьезно беспокоил центральное правительство, тем более что в то время увеличение земельных владений было неразрывно связано с усилением политического влияния. Уже первый правитель объединенного Московского государства, Иван III, конфисковал вотчины святой Софии после присоединения Новгорода, попробовал повторить эти действия в Москве, но получил отказ на соборе 1503 года [Скрынников, 2006, 250-254]. При царе Иване IV Грозном в 1551 году на стоглавом соборе ввели запрет на дачу вотчин в монастырь без согласия Государя, в 1572 году запретили давать вотчины в большие монастыри, в 1580 году вместо имений было указано перечислять в монастыри деньги на помин души. Окончательный запрет на внесение вотчин в монастырь по духовным завещаниям был закреплен в Соборном Уложении (гл. 17 ст. 42).

В Московии, как и в Древнерусском государстве, господствовал принцип «собственник земельного участка – собственник всего, что над и под ним находится». В имение (вотчину или поместье), как уже отмечалось ранее, включались пашня (собственно земельный участок) и угодья (лес и древесные насаждения, озера, пруды и реки, полезные минералы, звериные промыслы и рыбная ловля). Сохранились документы, повествующие об этом, например, Жалованная заповедная грамота Василия I указывает на нахождение Свято-озера в собственности Воскресенского Череповецкого монастыря; [Черепнин, 1955, 105].

Жалованная грамота Василия III от 1523 года предоставляла в вотчину участок, включавший в себя леса, села, пустоши; [Черепнин, 1956, 112] Жалованные грамоты Ивана Грозного Строгановым от 02.01.1564 и 25.03.1568 о предоставлении лежащих по Каме «мест пустых, лесов черных, речек и озер диких, островов и паволок пустых». Однако допускалось и предоставление только отдельных угодий – жалованные грамоты Василия III от 09.04.1517 и 24.04.1524 некоторым лицам на дикие леса в Устюжском уезде [Неволин, 1851, т.2, 14].

Однако в отношении некоторых категорий лиц и для достижения определенных целей государство периодически вводило ограничения по владению, пользованию и распоряжению вотчинами. Полный их перечень привести представляется затруднительным, тем более что законодатель той поры даже и не пытался ставить перед собой задачу по систематизации подобных требований, но ряд ограничений привести можно.

В частности вводились ограничения на приобретения вотчин без разрешения Государя в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, на Белоозере, на Рязани людям иных городов; запрет на покупку вотчин в украинских городах по указам от 01.04.1637 царя Михаила Федоровича, 17.05.1672 царя Алексея Михайловича, 07.06.1681 царя Федора Алексеевича, 18.07.1683 царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича (тогда еще не императора и не Великого); не допускалось распоряжение вотчинами удельными князьями рода Рюриковичей и Гедиминовичей без согласия Государя; [Неволин, 1851, т.2, 16], ограничения в обращении земель между русскими и иностранцами (ст. 43 гл. 17 Соборного Уложения).

В отношении лесных массивов, находящихся в частных вотчинах право той поры предписывало:

– обязанность соблюдения свободного прохода через леса по дорогам общего пользования с необходимостью вотчиннику поддерживать эти дороги в надлежащем состоянии (ст. 1, 9, 19, 20 гл. 9 Соборного Уложения);

– право служивых людей на государственной службе рубить любой лес на устройство стана за исключением лесов засечных и заповедных (ст. 23 гл. 7 Соборного Уложения и § 1 арт. 19 разд. 2 Литовский статут);

– допускалось увеличение размеров своих вотчин за счет лесных участков на их границах за плату (ст. 43 гл. 17 Соборного Уложения).

Вторым основным институтом становится поместье, выросшее из условного держания земельного участка служивыми людьми в древнерусском государстве. Начиная со времени правления Ивана III, [Неволин, 1851, т.2, 446] удельный вес поместий растет быстрыми темпами, что выдвигает их на первый план [Черепнин, 1956, 7].

Предпосылкой увеличения значения поместий стало образование единого централизованного государства. Крупные вотчины, принадлежавшие удельным князьям и местному боярству, являлись питательной средой для сепаратизма, поэтому правительство, начиная с покорения Новгорода в 1478 году, проводило политику конфискации вотчин, переселения местного боярства и удельных князей в центр страны и раздачу конфискованных земель своим ратным людям

– зарождающемуся дворянству. Последние стали главной опорой царей в деле централизации страны. Раздача поместий на юге (в Диком поле), кроме того, способствовала экстенсивному развитию сельского хозяйства и вовлечению новых земель в хозяйственный оборот. Окончательно систему поместного землевладения сформировал Иван Грозный, установивший в Уложении о службе 1555-1556 годов обязанность выставлять в поле бойца с каждых ста четвертей земли, что уравнило всех дворян в отношении службы. [Победоносцев, 2004, 547-548].

Рост количества поместий продолжался до XVII века, когда начался обратный процесс. К этому времени большинство старых боярских родов погибло при Иване Грозном или в Смутное время. Дворянство окрепло и почувствовало свою силу и теперь его основной задачей становилось уравнивание в правах с боярством. На протяжении всего XVII века происходил сложный, противоречивый и непоследовательный процесс падения значения поместий. Дворяне получили право обменивать поместье на вотчину, превращать поместье в вотчину, новые земли им жаловались царем уже на правах вотчины. Однако полное объединение вотчины и поместья состоялось только при Петре I.

Поместье представляло собой имение – земельный участок с угодьями, который русские монархи предоставляли ратным людям в обмен на обязанность каждый год являться по вызову на военную службу «конно, людно и оружно». При этом большинство помещиков, как и большинство вотчинников обрабатывали землю, косили траву, рубили лес, ловили рыбу в озерах и реках не самостоятельно, этой работой занимались свободные крестьяне и зависимые холопы. В отношении поместья действовал аналогичный вотчинному принцип общности земельного участка со всем, что с ним связано. Только на имение распространялась не собственность, а владение и существовали случаи, когда угодья (в том числе и участки леса) закреплялись не за помещиком, а за иными лицами. Таким образом, организация поместной системы послужила формированию всеобъемлющей государственной собственности. Превращение государя в главного собственника государства возвысило его над остальными удельными князьями и боярами, способствовало превращению старого боярства периода раздробленности в военно-служивое сословие, а раздача поместий позволила сформировать дворянство как класс. [Скрынников, 2006, 201-203].

Поскольку зарождающееся дворянство становилось опорой государей в деле централизации государства, вопросы поместного права не выходили из внимания законодателя. В дореволюционной и советской литературе поместье часто сравнивали и сравнивают с леном и для этого, на первый взгляд, есть серьезные основания:

– поместье и лен предоставлялись пожизненно в обмен на военную службу, и в случае отказа от нее, а также проявленной неверности по отношению к собственнику земельный участок отбирался;

– в обоих случаях существовала победившая в итоге тенденция к разрешению передачи земельного участка по наследству и закреплению за ленником и помещиком больших возможностей по распоряжению имением;

– развитие и укрепление крепостного права, так как именно крепостные крестьяне обрабатывали земельные участки, и без их труда земельный участок не представлял собой особой ценности (не случайно в пожалованиях и купчих приводятся сведения и о крестьянах и о земельных участках) [Сергеевич, 1903, 202].

Однако наряду с общими чертами проявляются, и существенные отличия, не позволяющие отождествить рассматриваемые институты:

– в Западной Европе существовала сложная феодальная лестница, и лен мог предоставить не только король, но и другие феодалы, а в Московии право пожалования поместий принадлежало только царю (великому князю), за исключением кратковременных периодов, когда подобное право было у церкви (например, на последнем этапе Ливонской войны, окончательно церкви запретили сдачу поместий Межевой инструкцией от 13.05.1754 в правление Елизаветы Петровны);

– передача лена понималась как договор, заключаемый между сюзереном и вассалом, который оформлялся клятвой и подлежал подтверждению в случае смерти одной из сторон. Предоставление поместья рассматривалось как односторонний акт государственной власти (пожалование) и содержало мало или не содержало вообще обязанностей государства по отношению к помещику. Держание земельного участка сохраняло силу после смерти царя, но после смерти помещика его детям требовалось получить новую жалованную грамоту, а ее могли и не дать;

– как следствие этого, несмотря на постоянно расширяющийся объем правомочий, помещик в Московском государстве никогда не обладал всеми правами, принадлежащими западноевропейскому феодалу, и был более незащищен и зависим от государства;

– несовпадение по времени – в Западной Европе лен оформился в XI-XII веках и существовал до XIX, а в отдельных странах и в XX веке. Поместье выходит на сцену в XV веке, а исчезает в XVIII, после реформ Петра Великого.

Однако наиболее спорным моментом является проведение разграничительной линии между вотчиной и поместьем. Подобная задача ставила в тупик многих исследователей (и дореволюционных и советских), тем более что и вотчинники (в подавляющем большинстве бояре) и помещики являлись двумя сторонами одной медали – господствующего класса. При этом сами современники очень четко понимали разницу, неслучайно на всем протяжении XVI-XVII веков идет ожесточенная борьба между помещиками, стремящимися уравниваться в правах с боярами и последними, насмерть (иногда в буквальном смысле) отстаивающих свое положение. Что было краеугольным камнем преткновения?

Первоначальное различие – обязанность помещиков служить достаточно быстро (само по себе) потеряло свое значение, поскольку высшее боярство также служит государю, ибо отказ о службы – это отказ от права на вотчину. Более того, положение при дворе определяется именно службой. При опале вотчины также легко отписываются на правителя, как и поместья. Поэтому для разграничения необходимо указать еще 2 отличия.

Во-первых, размер имений. При вотчине он неограничен, если конечно государь, беспокоясь по поводу роста чьей-либо собственности, не введет персональные ограничения (но именно персональные, общие ограничения никто из монархов, включая «Ивана Грозного по прозвищу Васильевич» вводить не рискнул). Площадь поместья строго ограничена и зависит от места службы лица. В зависимости от чина человек давался поместный оклад (площадь имения). Увеличить размер, можно только продвинувшись по службе. При потере должности излишек земли вначале отбирали в казну, но потом, прислушавшись к «многочисленным просьбам», стали на это закрывать глаза. Справедливости ради надо отметить, что поместные оклады со временем увеличивались. Если в Новгороде в XVI веке они колеблются от 50 до 300 четвертей, то в XVII веке – от 150 четвертей у земцев, до 1000 четвертей (в некоторых случаях) у выборных дворян. Кроме того, если земля была неплодородная, то давались указные статьи (прибавка к Поместному окладу), в украинских городах до 70 четвертей. Наконец, в оклад по общему правилу включалось только имение, и соразмерно его площади отводились еще и угодья (лесной участок). А поскольку помещик мог вырубить лес под пашню, осушить озеро и т.д., реальная площадь поместий могла быть весьма значительной [Неволин, 1851, т.2, 215-223].

Во-вторых (и это куда важнее), вотчина всегда рассматривалось как белое, безоброчное имение, а за поместье необходимо было уплачивать подати. Их размер было конечно меньше, чем с тяглогого имущества, но существовал, и за неоплату податей грозила опала, а то и потеря поместья. Освободить от оплаты податей могли на время либо за заслуги перед страной монархом (хотя в этом случае предпочитали превратить поместье в вотчину), либо при предоставлении пустующих земель с условием их обработки и заселения крестьянами на срок до 15 лет.

Как следствие на крестьян, работающих на помещика, ложились двойные тяготы налогообложения: за себя и за дворянина. Неоплата податей грозила для крестьянина потерей свободы и переходом в холопы, поэтому крестьяне активно переходили от помещиков к вотчинникам, где можно было платить подати только за себя. Барщину (работы на господском имении и угодьях) необходимо было выполнять и там и там, ее время и размер регулировались обычаями. Законодатель запрещал помещикам грабить крестьян, обременять их излишними повинностями, а особенно сводить их со своих поместных земель на вотчинные (ст. 30, 31 гл. 11 Соборного Уложения).

В результате Поместный приказ был постоянно завален жалобами дворян на обнищание и уход крестьян, и в целях исправления ситуации правительство ужесточило правило перехода крестьян, вплоть до их полного прикрепления к земле.

Заключение

Иными словами, различие между вотчиной и поместьем проходило в публично-правовой области, но главным на протяжении истории было не отношение к службе, а вопрос уплаты податей (налогообложения).

Собственником (вотчинником) поместья являлся монарх, помещик получал определенные права владения, пользования и распоряжения имением, санными покосами, лесными угодьями, а также сельскими промыслами (местами рыбной, звериной и птичьей ловли, бобровыми гонами, бортными угодьями). Дворянин мог обменять поместье (долгое время только на другое поместье, вплоть до Соборного Уложения мена поместий на вотчины не допускалась), сдать поместье в аренду, передать сыновьям по наследству, отдать в приданое дочери при условии, что жених будет служить государю. При этом, однако, не допускалось ни продажа, ни заклад поместья (на практике подобный запрет обходили с помощью долгосрочной аренды с дополнительными условиями). В случае оставления службы, неявки по вызову на службу или бегства с нее, долгом нахождения в плену (свыше 10 лет), получения поместья по ложным сведениям или попытку выдачи поместья за вотчину земля с угодьями отбиралась в казну.

В остальном на поместье распространялся сходный с вотчинами правовой режим, вплоть до аналогичных ограничений и прав на лесные участки [Неволин, 1851, т.2, 198-203].

Исходя из всего перечисленного, поместье следует рассматривать как смешанный вид доступа к частям природных ресурсов, в том числе и к лесным участкам.

Библиография

1. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Том 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1851. 464 с.
2. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Том 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1851. 566 с.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Зерцало, 2004. 2032 с.
4. Сергеевич В.И. Древности русского права. Том 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. 508 с.
5. Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 288 с.
6. Софроненко К.Л. (1957) Памятники русского права. Соборное уложение Алексея Михайловича. Выпуск 6. М.: Госюриздат, 1957. 564 с.
7. Черепнин Л.В. (ред.) Памятники русского права. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV-XV веков. Выпуск 3. М.: Госюриздат, 1955. 528 с.
8. Черепнин Л.В. (ред.) Памятники русского права. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV-XV веков. Выпуск 4. М.: Госюриздат, 1956. 632 с.
9. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Том 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1984. 431 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1910. 890 с.

The comparison of the fiefdom and estates concepts concerning to land in Russian law

Denis V. Kozlov

PhD in Law, Senior Lecturer,
Department of International law,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: DVKozlov@sfnedu.ru

Abstract

The article reveals the relationship between the two central institutions of Russian law before the Peter the Great's time of fiefdom (analogue of property) and estates. The estate was a plot of land with lands that Russian monarchs provided to military men in exchange for the duty to appear on call each year for military service. Initially, the owners of the patrimonies were mostly boyars, but in case with estates these were aristocratic nobility. Despite a number of coincidences, the estate in its essential characteristics differs from the Western European feudal, which does not allow considering these institutions a similar concept. For a long time, the legislator emphasized the differences between the ancestral lands and estates, without fixing clear criteria for distinguishing between them. With the passage of time, they began to merge, which was reflected in the Cathedral Code. A complete unification occurred only under the rule of Peter I. The absence of specific instructions caused controversy about the relationship between two concepts, both among pre-revolutionary and modern researchers. However, the contemporaries understood the difference, focusing on two points. First, it was the size of the estates. At the fiefdom it is unlimited; the area of the estate is strictly limited and depends on the place of service of the person. Secondly, the fiefdom was always regarded as a white, barren estate, and for the estate it was necessary to pay taxes.

For citation

Kozlov D.V. (2017) Sootnoshenie votchiny i pomest'ya na zemel'nye uchastki v russkom prave [The comparison of the fiefdom and estates concepts concerning to land in Russian law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (1B), pp. 276-285.

Keywords

Fiefdom, estate, Sobornoe Ulozhenie, land, land law.

References

1. Cherepnin L.V. (ed.) (1955) *Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV-XV vekov. Vypusk 3* [Monuments of Russian law. Monuments of the law of the period of the formation of the Russian centralized state of the XIV-XV centuries. Issue 4]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
2. Cherepnin L.V. (ed.) (1956) *Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV-XV vekov. Vypusk 4* [Monuments of Russian law. Monuments of the law of the period of the formation of the Russian centralized state of the XIV-XV centuries. Issue 4]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
3. Chistyakov O.I. (1984) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo 10-20 vekov. Tom 6. Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian legislation of the 10th-20th centuries. Volume 6. Legislation of the first half of the XIX century]. Moscow:Yuridicheskaya literatura Publ.
4. Nevolin K.A. (1851) *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Tom 2* [The history of Russian civil laws. Volume 2]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ.
5. Nevolin K.A. (1851) *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Tom 2* [The history of Russian civil laws. Volume 3]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ.
6. Pobedonostsev K.P. (2004) *Kurs grazhdanskogo prava* [The course of civil law]. Moscow: Zertsalo Publ.
7. Sergeevich V.I. (1903) *Drevnosti russkogo prava. Tom 3. Zemlevladienie. Tyaglo. Poryadok oblozheniya* [Antiquities of the Russian law. Volume 3. Land ownership. The tax. The procedure for taxation]. St. Petersburg.
8. Skrynnikov R.G. (2006) *Ivan III*. Moscow:AST Publ.
9. Sofronenko K.L. (1957) *Pamyatniki russkogo prava. Sobornoe ulozhenie Alekseya Mikhailovicha. Vypusk 6* [Monuments of the Russian law. The Cathedral Code of Alexei Mikhailovich. Issue 6].Moscow: Gosyurizdat Publ.
10. Shershenevich G.F. (1910) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. St. Petersburg.